

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СТАТУСОВ ЛИЦА, ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аникина Марина Сергеевна

Аспирант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-0983-9828, e-mail: anikina97@mail.ru.

Буквальное толкование п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ позволяет говорить, что уголовное судопроизводство защищает не столько потерпевших как участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), сколько потерпевших от преступлений физических и юридических лиц. В свою очередь, защита прав и законных интересов этих лиц может быть реализована через иные процессуальные статусы. В статье обосновывается существование множественности процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, которая в рамках уголовного судопроизводства проявляется сразу в нескольких формах. Утверждается, что защита прав и законных интересов лица может осуществляться до вынесения постановления о признании его потерпевшим, в том числе через процессуальный статус заявителя. Самостоятельно анализируются отличия процессуального статуса частного обвинителя от процессуального статуса потерпевшего по делам публичного обвинения, а также соотношение процессуальных статусов частного и государственного обвинителя. Обосновывается важность гармонизации и развития указанных процессуальных статусов в рамках уголовного судопроизводства. Отдельно в статье рассматривается проблема совмещения процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого. Автор приходит к выводу, что наличие у лица процессуального статуса обвиняемого по одному уголовному делу в отдельных случаях предполагает необходимость признания его потерпевшим по другому уголовному делу.

Ключевые слова: множественность процессуальных статусов, потерпевший, заявитель, частный обвинитель, обвиняемый

Для цитирования: Аникина М. С. Множественность процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 1. С. 56–64. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_56.

THE MULTIPLICITY OF PROCEDURAL STATUSES OF A VICTIM OF A CRIME

Anikina Marina

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-0983-9828, e-mail: anikina97@mail.ru.

A literal interpretation of paragraph 1 of part 1 of Art. 6 of the Code of Criminal Procedure suggests that criminal proceedings protect not so much victims as participants in criminal proceedings (part 1 of Art. 42 of the Code of Criminal Procedure), but rather individuals and organizations who are victims of crimes. In turn, the protection of the rights and legitimate interests of these persons can be implemented through other procedural statuses. The article substantiates the existence of a multiplicity of procedural statuses of a victim of a crime, which, in the framework of criminal proceedings, manifests itself in several forms. It is argued that the protection of a person's rights and legitimate interests can be carried out before a criminal case is initiated and a decision is made to recognize a person as a victim, in particular, through the applicant's procedural status. The correlation of the procedural statuses of a private prosecutor and a victim in cases of public and private-public prosecution,

as well as the procedural statuses of a private and public prosecutor, is independently analyzed. The importance of harmonization and development of these procedural statuses in the framework of criminal proceedings is substantiated. Separately, the article discusses the problem of combining the procedural statuses of the victim and the accused. The author concludes that a person's procedural status as an accused in one criminal case in some situations implies the need to recognize him as a victim in another criminal case.

Key words: multiplicity of procedural statuses, victim, applicant, private prosecutor, accused

*For citation: Anikina M. (2026) The multiplicity of procedural statuses of a victim of a crime. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 56–64, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_1_56.*

Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Буквальное толкование указанной нормы права позволяет предположить, что уголовное судопроизводство призвано защищать права и законные интересы не только и не столько потерпевших как прямо поименованных участников уголовного судопроизводства, признанных таковыми в установленном законом порядке, сколько непосредственно лиц и организации, потерпевших от преступлений. Представляется, что именно такое понимание назначения уголовного судопроизводства законодатель заложил в текст отечественного уголовно-процессуального закона, основанного на Конституции РФ (ч. 1 ст. 1 УПК РФ).

Так, по мнению председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина, в ст. 52 Конституции РФ понятие «потерпевший» «не только и не столько означает известную процессуальную фигуру в уголовном правосудии, а восходит к более широкому международному правовому понятию жертвы»¹. Иными словами, понятие потерпевшего в его международно-правовом и конституционно-правовом смысле изначально гораздо шире этого же понятия в уголовном судопроизводстве.

Проблема соотношения этих понятий до сих пор вызывает вопросы на практике. Так, по мнению российских высших судебных органов, лицо является потерпевшим с момента причинения ему вреда преступлением. В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указано, что «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им».

Аналогичного мнения придерживается Конституционный Суд РФ, который в п. 5 постановления от 13 июня 2019 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова» отмечает, что «лицо, по существу, является потерпевшим в силу самого факта причинения ему преступлением вреда, а не вследствие вынесения решения о признании его потерпевшим».

Представляется, что Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ в указанных постановлениях говорят о потерпевшем в самом широком, конституционно-правовом смысле. Некоторая неопределенность в этом вопросе вызвана также тем, что Конституционный Суд РФ, упоминая потерпевшего в своих решениях, использует разные понятия. В частности, «потерпевший», «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления»². Поэтому определить, когда речь идет о потерпевшем в уголовно-процессуальном смысле, можно только исходя из контекста.

Так или иначе, потерпевший как участник уголовного судопроизводства появляется только после вынесения постановления о признании лица потерпевшим и реали-

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 485.

² См., например: абз. 3 п. 2 постановления Конституционного Суда РФ от 1 октября 2024 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко».

зовывать соответствующие процессуальные права и обязанности может не раньше этого момента. Именно поэтому в п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М. В. Золотаревой и В. В. Фроловой» (далее – постановление № 26-П) уточняется, что «для реализации всей полноты процессуальных возможностей потерпевшего требуется официальное придание лицу такого статуса». Таким образом, утверждение, что потерпевший является таковым в силу самого факта причинения ему вреда преступлением, с процессуальной точки зрения видится несколько декларативным. Вместе с тем это не означает, что защита прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, может быть реализована только после получения этого процессуального статуса.

Процессуальный статус потерпевшего, безусловно, предоставляет лицу наиболее широкий перечень процессуальных прав и гарантий при производстве по уголовному делу, что, по мнению ряда авторов, обусловлено наличием у него самостоятельных интересов в уголовном деле¹. Однако ни одно лицо, потерпевшее от преступления, не получает этот статус автоматически. По смыслу ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании лица потерпевшим не может быть принято раньше возбуждения уголовного дела. По мнению Т. И. Ширяевой, «законодательная неурегулированность вопроса о процессуальном статусе такого лица в условиях существующей формы уголовного судопроизводства не позволяет получить допуск к участию в нем до момента возбуждения уголовного дела, то есть на максимально раннем его этапе, в связи с чем не может быть признана удовлетворяющей потребностям современного общества»². Соглашаясь с приведенным выше мнением, отметим, что с процессуальной точки зрения недопустимо, чтобы у лица, потерпевшего от преступления, отсутствовал процессуальный статус, поскольку в таком случае оно не сможет полноценно принимать участие в уголовном судопроизводстве и защищать свои права и законные интересы.

Функция защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в настоящее время ни на одного участника уголовного судопроизводства напрямую не возложена. Более того, в классической теории процессуальных функций функция защиты, существование которой обусловлено наличием такого свойства уголовно-процессуальной деятельности, как состязательность, необходима для полного или частичного отрицания подозрения или обвинения³. Получается, что фактически функцию защиты прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, реализует сам потерпевший и в отдельных случаях его законный представитель и (или) представитель.

Вместе с тем полагаем, что защита прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, может быть реализована и через другие процессуальные статусы, в частности через процессуальный статус заявителя. Кроме того, после возбуждения уголовного дела такая защита может осуществляться через процессуальный статус гражданского истца, а по делам частного обвинения – через процессуальный статус частного обвинителя.

Это процессуальное явление позволяет говорить о существовании *множественности процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления*, которая в рамках уголовного судопроизводства проявляется в самых разных формах, в том числе в последовательной смене процессуального статуса заявителя на процессуальный статус потерпевшего или в совмещении одним лицом нескольких процессуальных статусов.

Наличие множественности процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, обусловлено, с одной стороны, необходимостью обеспечения своевременной защиты прав и законных интересов такого лица на стадии возбуждения уголовного дела, а с другой – важностью реализации полноценной защиты. Несмотря на

¹ Сумин А. А., Химичева О. В. О достаточности процессуальных прав потерпевшего в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 46.

² Ширяева Т. И. О процессуальном статусе лиц, потерпевших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 130.

³ Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. С. 71.

то что в данной статье самостоятельно не рассматриваются варианты трансформации процессуальных статусов лиц, которые не являются лицами, потерпевшими от преступления, можно говорить о том, что множественность процессуальных статусов – это процессуальное явление, свойственное уголовному судопроизводству в целом.

В п. 10 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г.) совершенно справедливо отмечено: «...гарантируя права лиц, потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре должен обеспечиваться доступ потерпевших от преступлений к правосудию в целях защиты своих прав и законных интересов». Представляется, что данное утверждение обуславливает возможность федерального законодателя устанавливать такой порядок защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, который обеспечивал бы их защиту на любой стадии уголовного судопроизводства.

В современном уголовно-процессуальном законе уже есть предпосылки к реализации защиты прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, не связанные с возбуждением уголовного дела и наделением лица процессуальным статусом потерпевшего. Так, ч. 1 ст. 144 УПК РФ обязывает соответствующих должностных лиц принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня его поступления. Стоит также отметить, что согласно ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ разумный срок уголовного судопроизводства для потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, включает период со дня подачи заявления о преступлении, а не со дня возбуждения уголовного дела.

В ст. 144 УПК РФ перечислены и другие процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, которые связаны в том числе с правами, обязанностями и ответственностью заявителя. Вместе с тем, по мнению отдельных авторов, «отсутствие в уголовно-процессуальном законе единого понимания заявителя и заинтересованного лица как лиц, которым причинен вред преступлением, отсутствие закрепления их правового статуса приводит к тому, что у данных лиц фактически отсутствует реальная возможность защищать свои права»¹. Речь, в частности, идет о необходимости развития процессуальных статусов лиц, которые нуждаются в защите и фактически участвуют в уголовно-процессуальной деятельности, но к участникам уголовного судопроизводства по смыслу раздела II УПК РФ не относятся.

Защита прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, до возбуждения уголовного дела действительно тесно связана с процессуальным статусом заявителя, которого, как правило, к участникам уголовного судопроизводства не относят. При этом, на наш взгляд, заявитель является участником уголовного судопроизводства сразу по нескольким причинам.

Во-первых, действия заявителя порождают процессуальные последствия. В частности, подача им заявления обязывает проводить проверку сообщения о преступлении, которая может напрямую влиять на права и обязанности лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. В свою очередь, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (ч. 6 ст. 141 УПК РФ).

Во-вторых, участник уголовного судопроизводства – это лицо, принимающее участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Если исходить из содержания уголовно-процессуального закона, заявитель принимает участие в уголовно-процессуальной деятельности (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

В-третьих, несмотря на то что заявитель не назван в разделе II УПК РФ как участник уголовного судопроизводства, его права и обязанности обозначены сразу в нескольких статьях уголовно-процессуального закона (ст. 141, 144, 145, 146, 148 УПК РФ). Иными словами, заявителя можно отнести к участникам уголовного судопроизводства с неполным процессуальным статусом².

¹ Буфетова М. Ш., Гаврилов А. Д. Актуальные вопросы ознакомления заявителя и заинтересованного лица с материалами доследственной проверки и материалами уголовного дела // Адвокатская практика. 2025. № 1. С. 5.

² Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2022. С. 45.

Процессуальное положение заявителя в системе других участников уголовного судопроизводства является одним из самых сложных, поскольку после подачи заявления о преступлении заявитель потерпевшим может и не стать. Более того, необходимо различать заявителя как участника уголовного судопроизводства с неполным процессуальным статусом и как термин для обозначения лица, подающего заявление или жалобу, который в уголовно-процессуальном законе употребляется достаточно часто.

Вместе с тем заявитель как участник уголовного судопроизводства не подменяет собой потерпевшего, поэтому предоставлять ему значительную часть процессуальных прав и гарантий последнего нет необходимости. Особенно учитывая тот факт, что на момент проверки сообщения о преступлении могут отсутствовать достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Так, в п. 2 определения Конституционного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 1455-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дорохина Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 и частью второй статьи 159 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» совершенно верно отмечено: «...учитывая особенность стадии возбуждения уголовного дела, направленной лишь на установление повода и достаточных оснований для возбуждения уголовного дела, лица, участвующие в ней, обладают особым статусом, не предполагающим безусловное предоставление прав сторон уголовного судопроизводства». При этом защита прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, должна осуществляться до возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании его потерпевшим. Как верно отмечает О. С. Морозова, «процессуальные возможности необходимы заявителю, независимо от его перспективного процессуального статуса, именно на момент подачи заявления о преступлении, но не после возбуждения уголовного дела»¹.

Ученые-процессуалисты в своих исследованиях предлагают наделить заявителя правом знакомиться с материалами проверки сообщения о преступлении, правом давать показания, правом представлять доказательства, правом заявлять ходатайства и отводы, а также некоторыми иными правами, схожими с правами потерпевшего². Как было отмечено ранее, в предоставлении заявителю прав потерпевшего нет необходимости во избежание слияния этих процессуальных статусов. Кроме того, многие из перечисленных выше процессуальных прав могут быть реализованы только после возбуждения уголовного дела, в то время как заявитель зачастую появляется до этого момента. Вместе с тем представляется, что в контексте значимости защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, существующий неполный процессуальный статус заявителя требует дополнения. В частности, у потерпевшего есть право ходатайствовать о применении мер безопасности (п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Полагаем, что такое право должно быть и у заявителя. В настоящее время согласно ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ обеспечение безопасности участника досудебного производства, в том числе при приеме сообщения о преступлении, является правом, а не обязанностью соответствующих должностных лиц. Аналогичная ситуация складывается и с объяснениями заявителя. Существующий порядок рассмотрения сообщения о преступлении предполагает право дознавателя, органа дознания, следователя или руководителя следственного органа получать объяснения (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Вместе с тем очевидно, что объяснения заявителя на стадии возбуждения уголовного дела выступают ключевыми источниками сведений о фактах, которые имеют значение, в том числе при принятии решения о возбуждении уголовного дела.

Порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения тоже предполагает наличие заявителя, но непродолжительный период времени. Процессуальный статус заявителя по делам частного обвинения во многом отличается от этого же статуса по делам публичного обвинения. Так, на заявителя по делам частного обвинения возложена обязанность надлежащим образом составить заявление о преступлении (ч. 5 ст. 318 УПК РФ). Кроме того, именно заявитель предупреждается об уголовной ответ-

¹ Морозова О. С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 2. С. 273.

² Новиков В. Н. Профессиональное (адвокатское) представительство заявителя и потерпевшего на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. С. 13.

ственности за заведомо ложный донос и именно ему разъясняется право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление (ч. 6 ст. 318 УПК РФ). Ограничен и круг лиц, которые могут быть заявителями по делам частного обвинения (потерпевший или его законный представитель, близкий родственник).

Несмотря на то что по смыслу ч. 1 ст. 43 УПК РФ частным обвинителем является лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения, фактически лицо, потерпевшее от преступления, получает процессуальный статус частного обвинителя только после принятия такого заявления судом к производству (ч. 7 ст. 318 УПК РФ). Таким образом, уголовное дело частного обвинения возбуждается не путем подачи заявления потерпевшим (его законным представителем, близким родственником), а путем принятия такого заявления мировым судьей¹. Упрощенный порядок производства по уголовным делам частного обвинения призван обеспечивать наиболее оперативный доступ граждан к правосудию, однако на практике до сих пор возникают проблемы, которые связаны с несвоевременной защитой прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, и получением ими процессуального статуса частного обвинителя.

Например, в постановлении от 28 марта 2024 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой» Конституционный Суд РФ пришел к выводу о возможности применения института процессуальной аналогии, когда принятие районным судом к производству и рассмотрение им уголовных дел частного обвинения о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, осуществляется по правилам производства по уголовным делам, подсудным мировому судье. Основаниями для такого вывода стали обстоятельства дела Г. И. Баскаковой.

Из материалов дела следовало, что заявительница неоднократно требовала привлечь к уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 116.1 УК РФ («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость») бывшего супруга, который ранее за нанесение побоев уже подвергался административному наказанию. Однако за два года она так и не смогла получить процессуальный статус частного обвинителя.

Сначала отказ в возбуждении уголовного дела частного обвинения был обоснован несоблюдением формальных требований уголовно-процессуального закона (отсутствием сведений о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, и списка свидетелей, которых необходимо вызвать в суд), а также указанием на то, что обязательным признаком преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, выступает факт привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в отношении именно того лица, которое является заявителем о преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 116.1 УК РФ. Затем районный суд сослался на то, что дела указанной категории подлежат возбуждению дознавателем и могут быть рассмотрены районным судом по существу только после проведения дознания и направления уголовного дела с обвинительным актом в суд. В итоге из-за истечения сроков давности уголовного преследования возобновить уголовное производство по делу частного обвинения по заявлению гражданки Г. И. Баскаковой стало невозможно.

Вывод Конституционного Суда РФ о допустимости применения института процессуальной аналогии при рассмотрении уголовных дел частного обвинения районным судом, безусловно, положительно скажется на правоприменительной практике в будущем. Вместе с тем очевидно, что формальный подход судов к применению уголовно-процессуального закона до сих пор создает препятствия для защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений.

Несмотря на то что частный обвинитель – это, по существу, потерпевший по делам частного обвинения, на него фактически возложено гораздо больше процессуальных обязанностей, нежели на потерпевшего по делам публичного и частно-публичного обвинения. Так, частный обвинитель самостоятельно поддерживает обвинение и представляет доказательства по уголовному делу (исключение составляет ч. 2 ст. 319

¹ Белкин А. Р. Тонкости и недомолвки производства у мирового судьи // Мировой судья. 2020. № 8. С. 5.

УПК РФ). Непредставление доказательств частным обвинителем, в том числе по причине отсутствия у него юридического образования, зачастую становится основанием для вынесения оправдательного приговора. Кроме того, неявка частного обвинителя без уважительных причин влечет за собой прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Вместе с тем к уточнению процессуального статуса частного обвинителя следует подходить особенно внимательно, поскольку предоставление этому участнику уголовного судопроизводства дополнительных процессуальных прав не во всех случаях решает возникающие на практике вопросы. Например, участие в судебном заседании представителя частного обвинителя не всегда является гарантией представления стороной обвинения доказательств, которые могут быть положены в основу обвинительного приговора¹. Что касается неявки частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин как основания для прекращения уголовного дела, то К. Б. Калиновский считает, что однократная неоправданная неявка частного обвинителя не должна расцениваться в качестве самостоятельного и самодостаточного основания для прекращения дела².

Дополнительно частный обвинитель наделен отдельными правами государственного обвинителя (ч. 2 ст. 43 УПК РФ), однако соотношение двух этих процессуальных статусов вызывает вопросы. В частности, нереализуемой с практической точки зрения выглядит ч. 4 ст. 246 УПК РФ, которая предусматривает возможность замены одного частного обвинителя другим (если только речь не идет о процессуальном правопреемстве частного обвинителя в случае его смерти при производстве по уголовному делу). Также неясно, при каких условиях на практике может быть реализована ч. 6 ст. 246 УПК РФ, которая предполагает предъявление или поддержание частным обвинителем предъявленного по уголовному делу гражданского иска, если этого требует охрана прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Таким образом, процессуальный статус частного обвинителя как один из нескольких процессуальных статусов, направленных на защиту прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, также требует уточнения.

Предпосылкой появления множественности процессуальных статусов, прежде всего, является необходимость полноценной защиты прав и законных интересов лица, потерпевшего от преступления, на всех стадиях уголовного судопроизводства. Вместе с тем множественность процессуальных статусов лица в некоторых ситуациях может создать проблемы на практике. Речь, в частности, идет о случаях совмещения одним лицом процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого.

В 2023 г. такой случай был рассмотрен Конституционным Судом РФ. Согласно материалам дела, изложенным в упомянутом ранее постановлении № 26-П, в отношении несовершеннолетней М. В. Золотаревой было возбуждено уголовное дело по признакам покушения на преступление, предусмотренное п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В свою очередь, в отношении Б. как лица, предположительно вовлекшего М. В. Золотареву в совершение преступления, было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 150 УК РФ. Таким образом, М. В. Золотарева, будучи обвиняемой по одному уголовному делу, должна была быть признана потерпевшей по другому, связанному с первым.

Однако потерпевшей по уголовному делу, возбужденному в отношении Б., ее не признали на основании того, что объектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, выступает не личность несовершеннолетнего, а совокупность общественных отношений в сфере государственной политики по реализации прав и законных интересов семьи и ребенка, а сведения о том, что Б. применял к М. В. Золотаревой насилие или угрозы, отсутствовали. В итоге суд оправдал Б. по обвинению в вовлечении несовершеннолетнего в совершение особо тяжкого преступления (ч. 4 ст. 150 УК РФ).

Что касается уголовного дела, возбужденного в отношении самой М. В. Золотаревой, то при его рассмотрении суд не затрагивал вопрос о влиянии Б. на совершение

¹ Поликашина О. В. Непредставление доказательств частным обвинителем по уголовным делам частного обвинения влечет постановление оправдательного приговора // *Мировой судья*. 2023. № 1. С. 16.

² Калиновский К. Б. Бездействие частного обвинителя по поддержанию обвинения // Там же. 2023. № 5. С. 30.

ею преступления. Таким образом, отсутствие у М. В. Золотаревой процессуальных прав стороны обвинения в уголовном деле, возбужденном в отношении Б., фактически лишило ее возможности участвовать в доказывании факта ее вовлечения Б. в совершение преступления, ссылаться на свои показания в качестве потерпевшей и, как следствие, претендовать на назначение ей более мягкого наказания.

Конституционный Суд РФ в п. 5 рассматриваемого постановления совершенно справедливо отметил, что «несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления любым способом, в том числе не связанным с применением к нему физического или психического принуждения, во всяком случае становится жертвой (потерпевшим в уголовно-правовом смысле) самостоятельного преступного посягательства со стороны взрослого». Фактически это означает, что несовершеннолетний в аналогичных случаях может совмещать процессуальные статусы потерпевшего и обвиняемого. Множественность процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, в таких ситуациях обусловлена взаимосвязью и взаимозависимостью нескольких преступлений.

Рассмотрение такого процессуального явления, как множественность процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, позволило в рамках данной статьи прийти к следующим выводам.

1. Назначением уголовного судопроизводства выступает защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а не потерпевших как участников уголовного судопроизводства, признанных таковыми в установленном законом порядке (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Иное понимание назначения уголовного судопроизводства на практике может повлечь ограничение прав и законных интересов лиц, которые не получили соответствующий процессуальный статус.

2. Фактически защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, реализуется только через процессуальный статус потерпевшего (в отдельных случаях через процессуальный статус представителя и (или) законного представителя потерпевшего), поскольку именно этому участнику уголовного судопроизводства законом предоставлен наиболее широкий спектр процессуальных прав и гарантий. Вместе с тем защита прав и законных интересов таких лиц может быть реализована через другие процессуальные статусы.

3. Существование множественности процессуальных статусов лица, потерпевшего от преступления, объясняется в том числе необходимостью обеспечения своевременной защиты прав и законных интересов этого лица. Реализация такой защиты до возбуждения уголовного дела нередко связана со статусом заявителя, который по смыслу раздела II УПК РФ к участникам уголовного судопроизводства не относится. Вместе с тем заявителя при наличии определенных условий можно причислить к участникам уголовного судопроизводства с неполным процессуальным статусом.

4. Лицо, потерпевшее от преступления, может совмещать процессуальные статусы потерпевшего и обвиняемого, что создает объяснимые проблемы на практике. В частности, такое совмещение процессуальных статусов возможно при производстве по уголовному делу о совершении преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления), в случае, когда уголовное дело о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления и уголовное дело о преступлении, в которое несовершеннолетний был вовлечен, рассматриваются в суде одновременно.

Список литературы

Белкин А. Р. Тонкости и недомолвки производства у мирового судьи // Мировой судья. 2020. № 8. С. 3–10.

Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть. Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 96 с.

Буфетова М. Ш., Гаврилов А. Д. Актуальные вопросы ознакомления заявителя и заинтересованного лица с материалами доследственной проверки и материалами уголовного дела // Адвокатская практика. 2025. № 1. С. 2–7.

Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во УрЮИ МВД России, 2022. 347 с.

Калиновский К. Б. Бездействие частного обвинителя по поддержанию обвинения // Мировой судья. 2023. № 5. С. 28–33.

Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.

Морозова О. С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 2. С. 263–273.

Новиков В. Н. Профессиональное (адвокатское) представительство заявителя и потерпевшего на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2004. 25 с.

Поликашина О. В. Непредставление доказательств частным обвинителем по уголовным делам частного обвинения влечет постановление оправдательного приговора // Мировой судья. 2023. № 1. С. 13–16.

Сумин А. А., Химичева О. В. О достаточности процессуальных прав потерпевшего в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 41–46.

Ширяева Т. И. О процессуальном статусе лиц, потерпевших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 130–132.

References

Belkin A. R. (2020) Tonkosti i nedomolvki proizvodstva u mirovogo sud'i [Subtleties and omissions of the proceedings of the judges of the peace]. In *Mirovoi sud'ya*, no. 8, pp. 3–10.

Bozrov V. M. (2012) *Osnovy teorii ugolovno-protsessual'nykh funktsii. Obshchaya chast'* [Fundamentals of the theory of criminal procedural functions. The general part]. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 96 p.

Bufetova M. Sh., Gavrilov A. D. (2025) Aktual'nye voprosy oznakomleniya zayavitelya i zainteresovannogo litsa s materialami dosledstvennoi proverki i materialami ugolovnogogo dela [Topical issues of familiarization of the applicant and the interested person with the materials of the pre-investigation check and the materials of the criminal case]. In *Advokatskaya praktika*, no. 1, pp. 2–7.

Davletov A. A. (2022) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossiiskoi Federatsii: kurs lektsii* [Criminal proceedings of the Russian Federation: a course of lectures]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UrYul MVD Rossii, 347 p.

Kalinovskii K. B. (2023) Bezdeistvie chastnogo obvinatelya po podderzhaniyu obvineniya [Inaction of the private prosecutor to support the prosecution]. In *Mirovoi sud'ya*, no. 5, pp. 28–33.

Morozova O. S. (2024) Optimizatsiya sostava uchastnikov ugolovnogogo dosudebnogo proizvodstva [Optimization of the composition of participants in criminal pre-trial proceedings]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 263–273.

Novikov V. N. (2004) *Professional'noe (advokatskoe) predstavitel'stvo zayavitelya i poterpevshego na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogogo sudoproizvodstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Professional (lawyer) representation of the applicant and the victim at the pre-trial stages of criminal proceedings: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Voronezh, 25 p.

Polikashina O. V. (2023) Nepredstavlenie dokazatel'stv chastnym obvinitelem po ugolovnym delam chastnogo obvineniya vlechet postanovlenie opravdatel'nogo prigovora [Failure to provide evidence by a private prosecutor in criminal cases of private prosecution entails an acquittal]. In *Mirovoi sud'ya*, no. 1, pp. 13–16.

Shiryayeva T. I. (2015) O protsessual'nom statuse lits, poterpevshevik ot prestuplenii, v stadii vzbuzhdeniya ugolovnogogo dela [On the procedural status of victims of crimes at the stage of initiation of criminal proceedings]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 20, pp. 130–132.

Sumin A. A., Khimicheva O. V. (2021) O dostatochnosti protsessual'nykh prav poterpevshego v ugolovnom protsesse [On the sufficiency of the procedural rights of the victim in the criminal process]. In *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, no. 2, pp. 41–46.

Zor'kin V. D. (Ed.) (2013) *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation]. Moscow, Norma, INFRA-M, 1040 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.04.2025

Дата принятия рукописи в печать: 27.01.2026